

25 июня (8 июля)

Преподобноисповедник
Никон (Беляев)

Преподобноисповедник Никон родился 26 сентября 1888 года в Москве в семье Митрофана Николаевича и Веры Лаврентьевны Беляевых и в крещении был наречен Николаем.

Дед Николая по матери, Лаврентий Иванович Швецов, был круглым сиротой. Его подобрал на улице некий небольшого достатка купец и определил работать в своей лавке на Балчуге в Москве. Купец был человеком одиноким и, видя исключительную религиозность и добросовестность Лаврентия, завещал ему свою торговлю. Дела у Лаврентия Ивановича пошли успешно, и в конце концов он стал владельцем трех лавок. Занимаясь всю жизнь торговлей, он говорил и любил повторять: «Чужая копейка, внесенная в дом, как пожар, сожжет его», что неправильно говорят: не обманешь – не продашь: «Я за всю мою жизнь никогда никого не обманул ни разу, а дело мое шло всегда лучше, чем у других». Лаврентий Иванович любил посещать церковь Божию, и сам иногда пел на клиросе. В течение тридцати трех лет он был старостой церкви святых равноапостольных Константина и Елены в Кремле, в которой находилась чудотворная икона Божией Матери «Нечаянная Радость». Церковь была изрядно повреждена французами во время нашествия Наполеона, и Лаврентий Иванович принял большое участие в ее восстановлении. Он сподобился тихой и мирной христианской кончины: в 12 часов дня он приобщился Святых Христовых Таин и к вечеру отошел ко Господу.

Отец Николая, Митрофан Николаевич Беляев, был выходцем из семьи крестьян Воронежской губернии. Из четырнадцати детей он был младшим. Семья была бедной, и Митрофан Николаевич ушел пешком на заработки в Москву и устроился рабочим при магазине «Мюр и Мерилиз». Отличаясь большими способностями и трудолюбием, он вскоре стал продавцом, а затем заведующим мануфактурным отделом. Пленяясь внешним успехом, он мало заботился о своем характере и нраве, которые с удачей все более портились, и в конце концов он рассорился с хозяином и открыл свое дело. Все пошло поначалу успешно, но бывший хозяин оказал противодействие его делу и добился того, что Митрофан Николаевич разорился. Он женился на вдове, у которой было две дочери, но она вскоре скончалась, и Митрофан Николаевич женился на Вере Лаврентьевне Швецовой. Венчались они в церкви Большое Вознесение у Никитских ворот. У них родилось восемь детей – две дочери и шесть сыновей¹. Впоследствии Митрофан Николаевич стал служить у Лаврентия Ивановича, и вся семья переехала к нему жить на Большую Ордынку.

Семья Беляевых имела благочестивые устремления, но, как и многие в то время городские семьи, не понимала важности церковной жизни, не придавала значения постам, не имела представления о духовной литературе и вообще о том, что кроме внешнего соблюдения обрядов столь же важно для человека внимание к своему внутреннему духовному миру, который требует о себе попечения даже значительно большего, чем попечение о плоти. Митрофан Николаевич, по воспоминаниям сына Ивана, «церковь... любил. Но он любил ее так, как большинство мирян того времени. Он не вникал в глубину христианского

вероучения. Ходил во храм все праздники, наслаждаясь пением и диаконскими голосами».

Когда Николаю исполнилось пять лет, он тяжело заболел и лежал уже бездыханен, посинел и даже похолодел, так что отец уже думал, что он умер, но мать не теряла надежды, растирала его мазью и горячо молилась святителю Николаю Чудотворцу о даровании сыну жизни. И совершилось чудо: болезнь остановила свое течение, и Николай выздоровел. Впоследствии оптинский старец, игумен Варсонофий^а, так сказал ему о происшедшем: «Конечно, это из ряда вон выходящий случай. Собственно, не случай, ибо все происходит с нами целесообразно... Вам была дарована жизнь. Ваша мама молилась, и святитель Николай Чудотворец молился за вас, а Господь, как Всеведущий, знал, что вы поступите в монастырь, и дал вам жизнь. И верьте, что до конца жизни пребудете монахом...»

Николай имел доброе, отзывчивое, способное к глубокому сочувствию нуждающимся сердце. Он писал о себе в дневнике: «Нужды материальной я никогда не испытывал. Даже напротив, от пелен до смерти дедушки^б, то есть до тринадцатилетнего возраста, я жил чуть ли не в роскоши. Кроме того, был любимцем бабушки, да, кажется, и дедушки. Одним словом, мне хорошо жилось. Помню, устраивалась у нас елка на Рождество: детское веселье, конфеты, блеск украшений – все это радовало меня. Но помню хорошо один вечер. Я один около елки. В комнате полумрак, горит лампа, и тень от елки падает на большую половину комнаты. И вот какая мысль у меня в голове: я сыт, одет, родители утешили меня прекрасной елкой, я ем конфеты, в комнате тепло... Но есть, я знаю, такие дети, у которых нет даже необходимого. Об елке и речи быть не может: они полураздеты, просят милостыню на морозе или голодные сидят в холодных подвалах...»

«Помню, что я часто даже в играх, которые любил, чувствовал неудовлетворенность, пустоту. Я не знал, куда мне поступить из гимназии, что выбрать, какую отрасль науки, какой, сообразно с этим, путь жизни. Ничто мне не нравилось так, чтобы я мог отдаться тому, что выбрал. Был у меня переворот в жизни, когда все вокруг было заражено социальными идеями в нашем юношеском кругу. Мне эта маска, которой прикрыто дело дьявола, ведущее в пагубу, сначала как бы понравилась, хотя я и не мог ее совместить с верой в Бога, в которой и о которой я ничего не размышлял и не давал отчета, имея скорее превратное понятие о вещах веры, например о монашестве.

Я прежде совсем не давал [себе] отчета, что такое монашество, потом осуждал всех монахов вообще; потом, за несколько месяцев до приезда в Оптину в первый раз, я начал сомневаться в монашестве – богоугодно ли оно? И сомневался до последнего времени, до самого поступления в скит, и, вероятно, даже по поступлении были сомнения. Теперь, слава Богу, все затихло, и истина доказывается моим собственным опытом, чтением книг и тем, что вижу и слышу. Как благодарить мне Господа? Какого блага сподобил меня Господь! Чем я мог заслужить это? Да, здесь исключительно милость Божия, презревшая всю мою мерзость. Действительно, как я сам мог прийти в скит, не веря в идеал монашества, не имея положительно никакого о нем понятия, осуждая монахов, живя самой самоугодливой жизнью, не желая подчинять свою волю никому из

---

^а Преподобный Варсонофий Оптинский (в миру Павел Иванович Плиханков); память 1/14 апреля.

^б Лаврентий Иванович и его супруга Мария Степановна скончались в 1902 году, Митрофан Николаевич – в 1903-м.

смертных, не молясь ни утром, ни вечером (правда, ходя довольно часто в церковь), читая исключительно светские книги (исключая книгу епископа Феофана перед самым отъездом в Оптину), думая даже о браке? Один ответ: Господь привел...

Замечу еще раз, что церковь (этому я придаю огромное значение – может быть, это была одна из самых главных причин, приведших меня в обитель и к Богу...) лет с двенадцати-тринадцати я не покидал, несмотря ни на что...»

Николай вспоминал о своем религиозном пути: «Первым моим духовником был протоиерей отец Сергей Ляпидевский, уже скончавшийся, вторым – его сын, отец Симеон Сергеевич. Несмотря на религиозность мамы, бабушки, дедушки, папы – они нас редко посылали в церковь, особенно зимой, боясь простуды. А ребенок сам пойти не может. Нас и баловали, и ласкали, но вольничать не позволяли, уйти без спросу мы не смели.

Однажды на исповеди, кажется, отец Симеон Сергеевич сказал мне, что необходимо ходить в церковь по праздникам. “Это – долг перед Богом”. Я поразмыслил об этом и согласился. С тех пор я стал часто ходить в церковь, даже в будни, когда был свободен. И это обратилось в привычку. Ходил я также и к вечерним беседам по воскресеньям. Правда, ходил больше из-за “интереса”, но все же иногда бывало что-то вроде умиления. Помню, однажды за беседой я, стоя на клиросе, слушал проповедь и заключил в конце концов так: “Как бы провел я время дома, не знаю, а здесь все-таки душеполезное услышал”.

Услышав однажды о грехе суеверия, я приложил слышанное к жизни и отверг все суеверное – например приметы. Услышав однажды о грехе воззрения на девушек и жен с похотением, я даже... опечалился: это доставляло мне удовольствие. Как быть? Смотреть грешно, а не смотреть – лишит себя удовольствия. И решил я, что смотреть можно, только без похотения. Такой сделкой со своей совестью я как бы успокоился: взяла верх плотская сторона.

Представилось новое искушение: предложили мне учиться танцевать, но танцы назначались как раз во время вечерни. Куда склониться? Помню, был 6-й глас на “Господи, воззвах”, мой в то время самый любимый догматик: “Кто Тебе не ублажит...” И туда, и туда хочется. Долго я боролся, долго был в нерешительности, и... о, позор, позор! погряз я совесть и пошел танцевать. Совестно вспомнить! Как враг старается удалить от церкви, если ходишь даже и с равнодушием».

Окончив гимназию, Николай поступил в Московский университет, но проучился недолго. Он вспоминал: «В университете я успел проучиться немногим более полугода... После Рождества мои мысли и стремления к богоугождению начали несколько формулироваться, и я стал посещать университет хотя и ежедневно, но с некоторой целью... под предлогом занятий в университете я уходил утром из дома. Приходил в университет и был там до 9 часов, а с 9 часов отправлялся в Казанский собор к обедне, предварительно заходя по дороге к Иверской, если там народу бывало не очень много. Отслушав литургию, стоя иногда даже всю литургию на коленях, я не спеша отправлялся домой и заходил по дороге в часовню Спасителя и, помолившись там, уже без задержек направлялся домой. Дома я, напившись чаю, садился читать Евангелие, которое и читал более месяца или месяц. Когда Евангелие было прочитано, я начал читать Апостол и “Путь ко спасению” епископа Феофана; читал иногда листочки и брошюры духовного содержания.

Вечером я начинал писать дневник, потом немного молился и ложился спать. Так проходил день, за ним другой. Я все более и более чувствовал необходимость переменить жизнь, начать жизнь иную и молился об этом, конечно своими словами. Господь услышал мою грешную молитву и непостижимыми судьбами направил меня в Оптину на иноческий путь...»

В феврале 1907 года Николай пожелал сознательно исповедаться и причаститься Святых Христовых Таин, что и исполнил, исповедавшись иеромонаху Чудова монастыря Серафиму, в первый раз подходя к Таинству исповеди не формально, а сознательно желая примирения с Богом и соединения с Церковью.

Николай поведал о своем намерении поступить в монастырь священнику Петру Сахарову, законоучителю в гимназии. Тот не чувствовал, что может решить этот вопрос самостоятельно, и направил его к своему товарищу по Духовной академии епископу Трифону (Туркестанову). Это было перед Великим постом в 1907 году, в Неделю о блудном сыне. При встрече присутствовала мать Николая, Вера Лаврентьевна. Владыка сказал ей о сыновьях, Николае и Иване, возжелавших поступить в монастырь: «Не беспокойтесь, они увидят там только хорошее, и это останется у них на всю жизнь».

Вечером 23 февраля братья выехали в Оптину, «не имея о ней, – как писал Николай, – ни малейшего представления. Недели за две до того времени я не знал, что Оптина существует». 24 февраля, в день обретения главы святого Иоанна Предтечи, они впервые увидели Оптину. Побыв некоторое время в монастыре, Николай захотел остаться здесь, но все монахи, которые постарше, советовали пожить еще в миру, и отец настоятель также не захотел принять. Однако на прощание предложил зайти к нему, дал общие правила молитвы и жизни и, благословив иконой Божией Матери «Споручница грешных», сказал: «Благословляю вам, Николай Митрофанович, на радость родных и знакомых и на пользу души вашей».

Восемь месяцев после этого Николай прожил в миру, по благословению епископа Трифона окормляясь у игумена Богоявленского монастыря Ионы; в монастыре он пребывал иногда до позднего вечера, когда уже и двери запирались. Отец Иона настаивал, чтобы юноша скорее уходил в монастырь.

5 декабря 1907 года Николай и его брат Иван приехали в Оптину; 7 декабря, в день памяти святителя Амвросия Медиоланского, когда именинником бывал старец Амвросий, скитоначальник игумен Варсонофий благословил их переезжать в Оптину пустынь; 9 декабря, в день праздника иконы Божией Матери «Нечаянная Радость», они выехали из Оптиной в Москву для окончательного устройства дел в миру. 23 декабря они были уже в Оптиной, а 24-го – поселились в келье в Предтеченском скиту.

Наставляя Николая перед принятием в скит, скитоначальник отец Варсонофий в назидание рассказал ему, какую он имел беседу при своем поступлении в скит со старцем Анатолием (Зерцаловым)^с, которому поведал тогда, что хотел бы жить поединеннее, в затворе.

«– Что же, и в баню ходить не будете? – спросил отец Анатолий.

– Конечно.

– Да, вот я про то-то и говорю, что в баню ходить не будете.

– Вы, Батюшка, – говорю я, – что-то под “баней” разумеете иное?

---

^с Преподобный Анатолий Оптинский, Старший (в миру Алексей Моисеевич Зерцалов), иеросхимонах; память 25 января/7 февраля.

– Да, пустыня, затвор не очищают нас. Я в пустыне со своими страстями могу жить – и не грешить по видимому. Нам нельзя там познать всю немощь свою, свои пороки, раздражение, осуждение, злобу и другое. А здесь нас чистят: как начнут “шпиговать”, только держись, – мы и будем познавать свои немощи и смиряться. Здесь без вашей просьбы начнут вас чистить. Когда только поступаешь, все кажутся ангелами, а потом начнешь видеть пороки, и чем дальше, тем больше, – с этим надо бороться».

«Духа надо держаться. Дух животворит, буква умерщвляет^d. Если видеть в монашестве одну форму, то жить не только тяжело, но ужасно. Держитесь духа. Смотрите, в семинариях духовных и академиях какое неверие, нигилизм, мертвечина, а все потому, что только одна зубрежка, без чувства и смысла. Революция в России произошла из семинарии. Семинаристу странно, непонятно пойти в церковь одному, стать в сторонке, поплакать, умилиться, – ему это дико. С гимназистом такая вещь возможна, но не с семинаристом. Буква убивает», – добавил отец Варсонофий.

Послушники Николай (слева) и Иван Беляевы

29 января 1908 года, в день, когда празднуется память священномученика Игнатия Богоносца, Николая и его брата Ивана одели в послушническую одежду. Вручая им четки, игумен Варсонофий сказал: «Вот вам оружие, нещадно бейте им невидимых врагов. Прежде всего имейте всегда страх Божий, без него вы ничего не достигнете. Теперь для вас начинается новая жизнь. Хоть вы и жили в скиту, да все было не то. Теперь везде идет разговор у бесов: “Были почти наши, теперь пришли сюда спасаться – как это можно?” Но не бойтесь».

Давая наставление и благопожелания послушнику Николаю, отец Варсонофий сказал: «Вообще постарайтесь еще при моей жизни утвердиться

---

^d Ср. 2 Кор. 3, 6.

здесь. А то, что будет после меня, неизвестно. Я молю Бога, чтобы мне протянуть еще полгода или год, чтобы вас укрепить».

Николай поведал старцу смущающие его мысли, будто современное монашество уклонилось от своих идеалов. Старец ответил на это: «Да, да, уклонилось. Однако диаволу и это [монашество] не очень нравится, коли он так восстает против современного монашества. Этим монашеством держится весь мир. Когда монашества не будет, то настанет Страшный Суд».

Милостью Божией Николай сразу оторвался от мира. У него не пошло в ход и не стало развиваться мирское умонастроение, как бывает, когда новопоступивший послушник начинает интересоваться происходящими в монастыре внешними событиями, сначала слухом, а потом уже внутренне, в помыслах обсуждать, кто каков и какой жизнью живет, и, будучи еще не укреплен на поприще мысленной брани, побеждается натиском помыслов, которые в конце концов обращаются в бурю возрастающими в сердце страстями. Для послушника – это гибель, а для монастыря – искушение, так как такие умонастроения порождают и общие монастырские нестроения. Из ничего возникают, а потом словно буря какая пронесется над «тихой» обителью. Но Николай знал только свою келью и старца Варсонофия².

В скиту Николай нес послушание в саду, был помощником библиотекаря, но основным его послушанием вскоре стало секретарское, у скитоначальника игумена Варсонофия. Отцу Варсонофию полюбился тихий послушник, и он сказал ему: «С первого же раза я расположился к вам и верую, что сохранится это расположение на все время, которое мне осталось жить... Оставайтесь здесь монахом до конца своей жизни. А основание монашеской жизни – смирение. Есть смирение – всё есть, а нет смирения – ничего нет. Можно даже без всяких дел одним смирением спастись».

С самого начала жизни в Оптиной пустыни Николай по благословению старца Варсонофия взял себе за правило вести дневник. 17 марта 1908 года он записал: «Свободного времени очень мало, так что все время теперь, с начала поста, я прохожу послушание помощника библиотекаря, а в библиотеке сейчас очень много дела.

Вот как Господь подкрепляет меня, недостойного: совершенно не тягочусь постом и даже лучшей пищи не желаю; бывают помыслы о прежнем, да это так, мимолетно, даже не беспокоит... Стараюсь слушать службу, хотя это далеко не всегда удается, обыкновенно бываю очень рассеян за службой.

Прежде я ругал монахов, а теперь, когда сам живу в монастыре, вижу, как трудно быть истинным монахом. И живу я как в миру, ничуть не изменился: все страсти, все пороки, грехи, остался таким же развращенным, страстным человеком – только живу в келии, в скиту, а не в миру. И не стал сразу ангелом, чего я требовал прежде от всякого монаха без разбора, молодой ли он или старый и сколько живет в монастыре, и не желал ничего принимать в соображение. Теперь я начинаю понимать, что практическое знание, собственно, только и имеет смысл. Очень легко разглагольствовать и очень трудно “дело делать”».

А приблизительно через год он записал: «Все мои познания приобретены в скиту, вся формировка в нечто определенное моих убеждений и понятий произошла здесь, в скиту. Здесь, в скиту, я приобрел более, чем за всю мою жизнь в миру, более, чем в гимназии и университете. Не ошибусь, пожалуй, если

скажу, что там я почти ничего не получил, хотя в миру от рождения прожил 19 лет, а в скиту не живу еще и года».

Достигнув сам значительных духовных высот, отец Варсонофий чувствовал себя одиноким даже и в единомысленном монашеском обществе, тем более что ему пришлось жить в то время, когда в Оптиной начались нестроения и распри, и потому беседы со смиренно и искренно настроенным послушником, жаждавшим научения и спасения, явились и для самого старца большим утешением; несмотря на различие в возрасте и опыте, у них были одинаковые духовные устремления, и между ними сложились близкие, почти дружеские отношения.

30 января 1909 года Николай записал в дневнике: «Батюшка во время разговора первый раз назвал меня своим сотаинником. Я этого не ожидал и не знаю, чем мог это заслужить. Спаси, Господи, Батюшку. Я все более и более начинаю видеть, что Батюшка – великий старец. И, к моему сожалению, Батюшка все чаще и чаще говорит о своей смерти, что дни его “изочтени суть”...»

Подходило время, когда Николая могли призвать на военную службу, и он спросил отца Варсонофия, «можно ли молиться, чтобы Господь избавил от военной службы или нет? Батюшка отвечал, что нельзя. “Это надо всецело предоставить воле Божией, ибо прежде всего – это законно. И потом, мы не знаем, будет ли для нас полезно это. Молиться об этом равносильно тому, чтобы молиться об избавлении от послушания. Нет, уж лучше предоставим это воле Божией”».

Во время медосмотра призывников Николай из-за расширения вен на левой ноге был зачислен в ополчение второго разряда, то есть в число тех, кто не служит срочную службу. Вернувшись после медицинской комиссии в скит, он пошел поблагодарить о дарованной ему еще и на будущее время жизни в скиту на могилки старцев; поблагодарив старцев, он встретил отца Варсонофия и сказал: «Благословите. Не приняли меня”. Батюшка обрадовался, даже несколько раз переспросил. Благословил... Затем обратился к востоку и начал молиться... “Велика милость Твоя, Господи!”».

Надвигалась новая эпоха, в которой все яснее стало ощущаться присутствие зловещего духа антихриста. Во многих охладевала любовь, которая в иных душах едва уже теплилась, подавляясь и угнетаясь плотскими страстями. Сердца стали узки и не вмещали других с их болью и скорбями, и люди стали отдаляться друг от друга, и множество даже и хорошего настроения людей оказывались в одиночестве. Казалось, Дух Божий отходит от мира. Если раньше строительство церковное, «составляемое и совокупляемое посредством всяких взаимно скрепляющих связей, при действии в свою меру каждого члена, получало приращение для созидания самого себя в любви» [Еф. 4, 16], то теперь и оно почти замерло с отсутствием внутреннего духовного роста каждого. Из церковного общества стал исчезать дух самопожертвования и самоотверженности. Мало кто уже хотел быть приглашенным пройти с кем-то поприще, чтобы затем идти с ним и два. Изменялось само представление о смысле жизни и важности осознания ее смысла, содержание жизни стало уходить на периферию – во внешние дела, и потому в сердцах самих людей все утолщалась стена между этой временной жизнью и вечной, люди как бы теряли вход во врата вечной жизни, переставали ориентироваться в духовных вопросах и все более становились лукавыми чадами века сего, отчего сами становились глубоко несчастны и оттого часто мстительны.

«Я совершенно один... а силы слабеют... – пожаловался как-то старец послушнику. – Мы, я и Батюшка^е... все вместе делали, друг друга утешали в скорбях. Приду, да и скажу: “Батюшка... тяжело что-то”. – “Ну что там, тяжело? Теперь все ничего. А вот придут дни...” Да, а теперь-то они и пришли, – монахов много, много хороших, а утешить некому. Теперь я понял, что значит: “Придут дни”...»

«19 февраля Батюшка сказал мне, – записал Николай в дневнике: “Я вам, брат Николай, не раз уже говорил и еще скажу: приходит мне мысль все бросить, уйти в какую-нибудь келию. Страшно становится жить, брат Николай, страшно. Только боюсь сам уйти, а посоветоваться не с кем. Если бы жив был отец Варнава^ф, то поехал бы к нему, но и его уже нет. А сам – боюсь. Боюсь, как боится часовой уйти с поста, – расстреляют. В таком положении начинаешь понимать слова пророка Давида: “Спаси мя, Господи!..” Если взять только эту часть фразы, то само собой разумеется, что никто не хочет погибели и не говорит: “Погуби меня, Господи”. Все и всегда могут сказать: “Спаси мя, Господи”. Но он прибавляет далее: “Яко оскуде преподобный” [Пс. 11, 1]. Не к кому обратиться, – Господи, спаси мя. Только теперь мне становится понятным, отчего бежали святые отцы от мира, именно бежали... Хотелось бы и мне убежать в пустыню...”

Незадолго до этого, как-то вечером, Батюшка сам, не по моему вопросу, а сам начал говорить: “Прежде я не понимал, что делается в миру, а теперь, когда приходится мне сталкиваться с ним, он поражает меня своей крайней сложностью и безотрадностью. Правда, бывают радости, но они мимолетны, мгновенны. Да и какие это радости? Самой низшей пробы... А у нас – блаженство, даже немножко как бы похоже на рай. Бывают, конечно, и скорби, но это временно... Хорошо, кто заботится о внутренней, созерцательной жизни, ибо она даст ему все”».

Отец Варсонофий говорил послушнику Николаю: «Всякому человеку нужно претерпеть время искушений и борьбы – тяжелое болезненное состояние. Про эти муки говорится в псалме: “Объяша болезни яко раждающая” [Пс. 47, 7], – и далее: “...и изведе мя на широту” [Пс. 17, 20]... Так и всякий человек, рождаясь духовно в новую жизнь, испытывает болезнь, пока еще не вышел на широту. Кто не испытал этих болезней, рождающих в миру, до монастыря, то ему необходимо испытать их в монастыре. И вам это предстоит, ибо вы не испытали этого в миру...

Вот видите, через какие горнила приходится проходить монаху на иноческом пути с начала до конца. И вот тут-то и нужна молитва Иисусова, и без нее ни одна душа не выдержит. Пока я жив, сколько уж продержит меня Господь, – вам ничего, а когда меня не будет, вы будете предоставлены самому себе. Поэтому теперь запасайтесь терпением заранее. А созерцанием всего этого не смущайтесь и не унывайте. Раскройте преподобного Феодора Студита и увидите, что все это и тогда было. А теперь научайтесь терпению».

«Неоднократно приходилось... слышать от Батюшки, – записал Николай в дневнике, – как он говорил и мне и другим: “Лицемерие, двойственность, лукавство вообще погрешительны, а на монашеском пути это – прямая погибель. Надо твердо идти по пути, никуда не сворачивать, не служить и нашим и вашим...”».

---

^е Имеется в виду старец Анатолий (Зерцалов).

^ф Преподобный Варнава Гефсиманский (в миру Василий Ильич Меркулов), иеросхимонах, местночтимый святой Московской епархии; память 17 февраля/2 марта.

Часто отец Варсонофий беседовал с послушником Николаем о молитве Иисусовой, справедливо полагая, что она основное и самое надежное средство борьбы с врагом рода человеческого, и однажды спросил: «Какой признак Промысла Божия о человеке?» Николай не сумел ответить, и отец Варсонофий сказал: «Непрестанные скорби, посылаемые Богом человеку, суть признаки особого Божия промысления о человеке. Смысл скорбей многообразен: они посылаются для пресечения зла, или для вразумления, или для большей славы...» Затем он стал говорить о молитве: «Ее начало – тесный путь. Но приобретение внутренней молитвы необходимо... Внешняя умная молитва недостаточна, ибо она бывает [и] у человека, в котором присутствуют страсти. Одна умная недостаточна, а внутреннюю получают весьма немногие. Вот некоторые и говорят: “Какой же смысл творить молитву? Какая польза?” Великая! Ибо Господь, давая молитву молящемуся, дает человеку молитву или перед самой смертью, или даже после смерти. Только не надо ее оставлять”».

Старец Варсонофий хотел, чтобы осознанием важности и значимости молитвы Иисусовой проникся и послушник; беседуя с ним, старец сказал: «Да, я занимался молитвой Иисусовой; дело шло, молитва начинала у меня разгораться... Но настоятельство у меня отняло ее... Молитва чуть дышит... Вот я часто задаю себе этот вопрос: “Что – выиграю я на этом своем посту или проиграю?” Да, скажу я вам, враг вам все даст, что хотите: иеромонашество, власть, настоятельство, даже патриаршество, – но только не даст молитвы Иисусовой. Сколь она ему ненавистна! Все даст, только не ее...»

Как-то Николай записал в дневнике: «Вчера Батюшка говорил, что до страшных времен доживем мы, но что благодать Божия покрое нас. Это Батюшка сказал под впечатлением разговора о новейших изобретениях, которые, имея как бы и добрые стороны, всегда оказываются вредными более, нежели полезными, и даже, можно сказать, суть просто зло».

В Великую Пятницу 16 апреля 1910 года вместе с другими послушниками Николай был пострижен в рясофор. После пострига все пошли в келью к отцу Варсонофию, и он сказал новопостриженным: «Прежде я говорил вам и теперь повторяю: смирение – всё. Есть смирение – всё есть, нет смирения – ничего нет. Вы получили рясофор. Это не есть какое-либо повышение, как например в миру, когда дают повышение, назначая в офицерский чин и прочее. И там получивший считает своим долгом гордиться своим повышением, а у нас не так. На монашеском знамени написаны слова: “Кто хочет быть большим, да будет всем слуга” [Мф. 20, 26; Мк. 9, 35; 10, 43]. Смиряться и смиряйтесь... Теперь вас более будет утешать благодать Божия, но и враг будет озлоблять».

В феврале 1912 года смута в Оптиной и попытки светского общества убрать игумена Варсонофия из скита завершились указом Синода о назначении его настоятелем расположенного вблизи города Коломны Старо-Голутвина монастыря с возведением в сан архимандрита. Последовавший за этим протест братии был оставлен без внимания. Через год старец Варсонофий скончался.

24 мая 1915 года Николай был пострижен в мантию и наречен Никоном в честь мученика Никона; 10 апреля 1916 года он был хиротонисан во иеродиакона, а 3 ноября 1917 года – во иеромонаха.

В 1917 году к власти пришли безбожники, и началось время беспощадных гонений на Русскую Православную Церковь. «В феврале 1918 года небольшой отряд красноармейцев прибыл в Оптину пустынь, грубо и бесцеремонно солдаты произвели осмотр монастыря и скита. Тогда же была сделана опись всего

церковного имущества обители, включая богослужебные сосуды, иконы... 26 июня 1918 года был конфискован монастырский дом и другие постройки при мельнице на реке Другузне. 23 июля 1918 года иеромонах Никон (Беляев), по благословению настоятеля проводивший переговоры с представителями советской власти, доложил епископу Феофану (Тулякову)^g о планируемой конфискации всех без исключения лошадей и что цель конфискации вовсе не нужды армии, как об этом заявляется, а расформирование монастыря. К 10 августа было решено удалить из Оптиной всех монахов. В монастырской гостинице на двери одной из комнат уже висела вывеска "Козельский Уездный Военный Комиссар". Среди козельских комиссаров обсуждался вопрос о том, что нужно предложить всем монахам остричь волосы и поступить на светскую службу. 5 августа 1918 года уездный Комиссариат Социального Обеспечения потребовал от монастыря предоставить два корпуса для размещения в них детского приюта и богадельни.

Чиновники из учреждений советской власти, расположенные к обители, в частных разговорах неоднократно советовали братии для спасения монастыря и его хозяйства зарегистрироваться в качестве трудовой общины или артели».

В 1919 году Оптинский монастырь был преобразован в племенное хозяйство, которое возглавил один из монастырских послушников. Новообразованное хозяйство пользовалось по договору всеми постройками монастыря, кроме хибарок старцев и библиотеки, после его ликвидации все монастырские постройки поступили в ведение музея. При музее был устроен кожевенный завод и деревообрабатывающие мастерские, в которых трудилось около тридцати монахов и послушников. В мае 1919 года заведующим музеем был временно назначен иеромонах Никон.

30 сентября 1919 года власти арестовали часть братии Оптиной пустыни и священников, служивших в храмах Козельского уезда, среди них был арестован и отец Никон.

Настоятель Оптиной пустыни архимандрит Исаакий^h писал 3 октября епархиальному архиерею: «...местные власти произвели обыск в помещениях Преосвященного епископа Михея, казначея иеромонаха Пантелеимона и письмоводителя иеромонаха Никона. После обыска названные лица были арестованы и отправлены в козельскую тюрьму, а помещения их на другой день были запечатаны теми же властями...»

Описывая условия их содержания, настоятель писал 23 октября: «...заключенным в козельскую тюрьму Преосвященному епископу Михею и иеромонахам Пантелеимону и Никону ежедневно доставляется пища и другое необходимое, чего они попросят, в том числе и книги для чтения. Их навещают близкие, а однажды по их просьбе посылался в тюрьму иеромонах со Святыми Дарами, и заключенные приобщались Святых Таин...» После непродолжительного заключения в козельской тюрьме власти 17 ноября того же года освободили узников.

13 марта 1920 года командир 10-й бригады вооруженной охраны Асенаймер и помощник губернского военного комиссара Алмазов арестовали группу священнослужителей, монахов и мирян, имевших отношение к Оптиной пустыни, и среди них отца Никона. Было постановлено: «Во избежание побега...

---

^g В то время епископ Калужский.

^h Преподобномученик Исаакий Оптинский (в миру Иван Николаевич Бобраков); память 26 декабря/8 января.

заклучить в губернскую тюрьму... до выяснения личностей и состава преступления».

Личность отца Никона была вскоре выяснена, но никаких доказательств его контрреволюционной деятельности найдено не было, и 17 марта того же года Калужская Губчека распорядилась освободить его.

В 1920 году в музей прибыла ликвидационная комиссия, которая составила акт о передаче всего имущества монастыря Главмузею. В июле того же года часть церковного имущества была передана религиозной общине. В это время в Оптиной из насельников монастыря организовалось садово-огородное товарищество.

В 1922 году ликвидационная комиссия удалила из монастыря бóльшую часть монахов, и с этого времени Оптина пустынь поступила в особое ведение ОГПУ: туда был направлен его представитель для постоянного наблюдения, у него хранились ключи от всех монастырских помещений, кроме церквей и музея.

9 марта 1920 года скончался скитоначальник схиигумен Феодосий, 30 июля 1922 года скончался иеросхимонах Анатолий (Потапов)ⁱ, зимой того же года был арестован старец Нектарий^j, который благословил своих духовных детей обращаться к иеромонаху Никону; с этого времени отец Никон стал принимать на исповедь народ, продолжавший по-прежнему ехать в Оптину за духовным окормлением.

Осенью 1922 года отец Никон писал матери: «Христос посреде нас, дорогая мамаша. Мира и радования о Господе Иисусе усердно тебе желаю и прошу твоих святых молитв и родительского благословения.

О себе что писать мне? Я жив и здоров, нужд никаких особых не имею, необходимое все получаю, тружусь несколько в письмоводстве, много занят бываю различными делами по обители или, вернее, делами, касающимися вообще нашего общего жития, пою на клиросе и, наконец, служу, предстою престолу Божию во святом алтаре.

Что касается моей внутренней жизни и по келье, и по душе, то это далеко не всем можно знать. Келия моя в длину имеет пять аршин, в ширину три аршина шесть вершков в одно окно. Келия для меня дороже всяких пышных домов и чертогов.

Что касается условий нашего общего жития, то это дело сложное и вместе очень простое: сложное, ибо трудно изложить на бумаге все, что сейчас представляет бывший монастырь, и все, что мы переживаем и предпринимаем, – простое, ибо, “аще не Господь созиждет дом, всеу трудишася зиждущие”, по псаломскому слову (Пс. 126, 1). Да, нужно принимать меры возможные, подсказываемые здравым разумом и не противные духу христианского и иноческого жития, но, принимая их, успеха ожидать должно всецело от руки Господней.

Гордость человеческая говорит: мы сделаем, мы достигнем, – и начинаем строить башню Вавилонскую, требуем от Бога отчета в Его действиях, желаем быть распорядителями вселенной, мечтаем о заоблачных престолах, – но никто и ничто не повинется ей, и бессилие человека доказывается со всею очевидностью горьким опытом. Наблюдая опыт сей из истории и древних, давно минувших

ⁱ Преподобный Анатолий Оптинский, Младший (в миру Александр Алексеевич Потапов); память 30 июля/12 августа.

^j Преподобный Нектарий Оптинский (в миру Николай Тихонов), иеросхимонах; память 29 апреля/12 мая.

дней, и современных, прихожу к заключению, что непостижимы для нас пути Промысла Божия, не можем мы их понять, а потому необходимо со всем смирением предаваться воле Божией.

Затем второе: никто и ничто не может повредить человеку, если сам себе он не повредит; напротив, кто не уклоняется от греха, тому и тысяча спасительных средств не помогут. Следовательно, единственное зло есть грех: Иуда пал, находясь со Спасителем, а праведный Лот спасся, живя в Содоме. Эти и подобные этим мысли приходят мне, когда поучаюсь я в чтении святых отцов и когда гляжу умственно на окружающее.

Что будет? Как будет? Когда будет? Если случится то и то, куда приклониться? Если совершится то и то, где найти подкрепление и утешение духовное? О, Господи, Господи! И недоумение лютое объемлет душу, когда хочешь своим умом все предусмотреть, проникнуть в тайну грядущего, не известного нам, но почему-то страшного. Изнемогает ум: планы его, средства, изобретаемые им, – детская мечта, приятный сон. Проснулся человек – и все исчезло, сталкиваемое суровой действительностью, и все планы рушатся. Где же надежда? Надежда в Боге.

Господь – упование мое и прибежище мое. В предании и себя и всего воле Божией обретаю мир душе моей. Если я предаю себя воле Божией, то воля Божия и будет со мной совершаться, а она всегда благая и совершенная. Если я Божий, то Господь меня и защитит, и утешит. Если для пользы моей пошлется мне какое искушение – благословен Господь, строящий мое спасение. Даже при наплыве скорбей силен Господь подать утешение великое и преславное... Так я мыслю, так я чувствую, так наблюдаю и так верую.

Из этого не подумай, что я много пережил скорбей и испытаний. Нет, мне кажется, что я еще не видал скорбей. Если и бывали со мной переживания, которые по поверхностному взгляду на них по всей видимости казались чем-то прискорбным, то они не причиняли мне сильной сердечной боли, не причиняли скорби, а потому я не решаюсь назвать их скорбями. Но я не закрываю глаза на совершающееся и на грядущее, дабы уготовить душу свою во искушение, дабы можно было мне сказать псаломскими словами: “Уготовихся и не смутихся”.

Я сообщал тебе, что у нас было следствие, ревизовали дела нашего Товарищества. Это следствие не кончено еще, суда еще не было. Когда будет суд и чем он кончится – Бог весть. Но, несомненно, без воли Божией ни со мной в частности, ни вообще с нами ничего совершиться не может, и потому я спокоен. А когда на душе спокойно, тогда чего же еще искать?

Сейчас я пришел от всенощной и заканчиваю письмо, которое начал еще перед всенощной. Господи, какое счастье. Какие чудные глаголы вещаются нам в храме. Мир и тишина. Дух святости ощутительно чувствуется в храме. Кончается служба Божия, все идут в дома свои. Выхожу из храма и я.

Чудная ночь, легкий морозец. Луна серебряным светом обливает наш тихий уголок. Иду на могилки почивших старцев, поклоняюсь им, прошу их молитвенной помощи, а им прошу у Господа вечного блаженства на небе. Могилки эти много вещают нашему уму и сердцу, от этих холодных надгробий веет теплом. Пред мысленными взорами ума встают дивные образы почивших исполинов духа.

Эти дни я неоднократно вспоминал Батюшку Варсонофия. Мне вспоминались его слова, его наставление, данное мне однажды, а может быть, и не однажды. Он говорил мне: “Апостол завещает: “Испытывайте себя, в вере ли

вы” [2 Кор. 13, 5], – и продолжал: – смотрите, что говорит тот же Апостол: “Течение скончах, веру соблюдох, а теперь мне готовится уже венец” [2 Тим. 4, 7-8]. Да, великое дело – сохранить, соблюсти веру. Поэтому и я вам говорю: испытывайте себя, в вере ли вы. Если сохраните веру, можно иметь благонадежие о своей участи”. – Когда все это говорил мне почивший старец... я чувствовал, что он говорит что-то дивное, высокое, духовное. Ум и сердце с жадностью схватывали его слова. Я и прежде слышал это апостольское изречение, но не производило оно на меня такого действия, такого впечатления.

Мне казалось: что особенного – сохранить веру? Я верую, и верую по-православному, никаких сомнений в вере у меня нет. Но тут я почувствовал, что в изречении этом заключается что-то великое, что действительно велико – несмотря на все искушения, на все переживания житейские, на все соблазны – сохранить в сердце своем огонь святой веры неугасимым, и неугасимым даже до смерти, ибо сказано: “Течение скончах”, т.е. вся земная жизнь уже прожита, окончена, уже пройден путь, который надлежало пройти, я уже нахожусь на грани земной жизни, за гробом уже начинается иная жизнь, которую уготовала мне моя вера, которую я соблюл. “Течение скончах, веру соблюдох”. И заповедал мне дивный старец проверять себя время от времени в истинах веры православной, чтобы не уклониться от них незаметно для себя. Советовал, между прочим, прочитывать “Православный Катехизис” митрополита Филарета и познакомиться с “Исповеданием веры Восточных Патриархов”.

Ныне, когда поколебались устои Православной Российской Церкви, я вижу, как драгоценно наставление старца. Теперь как будто пришло время испытания: в вере ли мы. Ведь надо знать и то, что веру соблюсти может тот, кто горячо и искренно верит, кому Бог дороже всего, а это последнее может быть только у того, кто хранит себя от всякого греха, кто хранит свою нравственность. О, Господи, сохрани меня в вере благодатию Твоею.

Мысль о возможности сохранения веры лишь при доброй нравственности не моя, это учение и Евангельское и святоотеческое».

Всецело обязанный старцу Варсонофию, отец Никон уже после смерти старца стал говорить и проповеди благодаря ему. Он вспоминал: «...Покойный ныне отец протоиерей просил меня однажды Великим постом отслужить за него позднюю литургию в соборе. Я с радостью согласился. Была пятая неделя святого поста.

В свое время я начал служение литургии и спокойно служил. Настало время чтения святого Евангелия. Вручив святое Евангелие для чтения иеродиакону, я, по обыкновению стоя у горнего места за престолом, приготовился внимать Божественным глаголам живота вечного. И вот диакон зачитал:

“Се восходим во Иерусалим, и Сын Человеческий предан будет архиереом и книжникам, и осудят Его на смерть, и предадут Его язычникам: и поругаются Ему, и узвзят Его, и оплюют Его, и убьют Его: и в третий день воскреснет” [Мк. 10, 33-34].

Грешное мое сердце затрепетало во мне. Мне живо вспомнилось то, что было уже много лет назад. Мне вспомнился скит, наш тихий скит, духовно воспитавший нас. Мне вспомнился почивший наш старец, дорогой старец, отец и наставник, окрылявший нас, старавшийся посеять в сердца наши благие семена духовной жизни и монашества, вникавший в смысл Священного Писания и понимавший его духовное, таинственное значение. Мне вспомнилось, как однажды в пятое воскресенье Великого поста после литургии, придя в свою

келью, он спросил меня, обратил ли я внимание на то, какое читалось за литургией Евангелие, и, указывая на слова: “Се восходим во Иерусалим и предан будет Сын Человеческий... и поругаются Ему, и уязвят Его, и оплюют Его...”, – сказал: “Вот степени восхождения в Горний Иерусалим, их надо пройти. На какой степени находимся мы?..” Внимая словам старца, слагая их в сердце своем, я молчал. И вот, не помню теперь через сколько дней, а может быть и часов, настоятель объявил старцу о переводе его из скита в Московскую епархию. Великую скорбь причинило это старцу. Ведь скорбью надо считать не то, что по внешности переживает человек, а то, насколько попускается ему Богом быть удрученным от этого переживания, причиняющего ему и сердцу его скорбь и страдание.

Старец воистину тогда страдал. Делясь со мною скорбию своею, однажды он сказал мне, что от великой внутренней борьбы и скорби он боится сойти с ума. И ему, и нам было вполне понятно, что такое распоряжение высшего начальства было для старца наказанием, что оно устроено его недоброжелателями, что имели тут место и клевета, и человекоугодие, и ложь, и многое другое, о чем кратко невозможно написать. Действительно – и поругались над старцем, и уязвили его, и оплевали его (нелепые клеветы и сплетни около его имени, обвиняли его даже в ереси и хлыстовстве), и убили его, ибо от всех скорбей и переживаний и в последние дни пребывания в скиту, и на месте нового служения подорвалось его здоровье старческое, и без того уже слабое, и он ровно через год скончался.

Назначенное ему служение при выполнении всех связанных с ним обязанностей и при переживании всего, что причиняли ему условия и обстоятельства жизни на новом месте, было для него крестом, и крестом тяжелым. Веря, что крест посылается лишь Богом, старец все терпел, пребывая на кресте, предавшись воле Божией и не прибегая к человеческим средствам. Пройдены им были степени восхождения во Иерусалим...

Все это мгновенно вспомнилось мне, наполнило мой ум и сердце чувствами и мыслями. До того времени я никогда не говорил слов и поучений в церкви (приходилось лишь читать по книге), но тут появилось желание поделиться с другими, сказав народу слово. Воистину: от избытка сердца глаголют уста [Мф. 2, 34]. Одна мысль настойчиво требовала произнести слово, другая внушала, что если скажу, то потерплю за это. Вторая мысль внушала опасение за мое внешнее благополучие – и первая мысль превозмогла. Но, не желая первого моего слова в храме сказать без благословения, я решил, за неимением налицо никого иного в алтаре, предложить это служившему со мною иеродиакону на рассуждение и благословение.

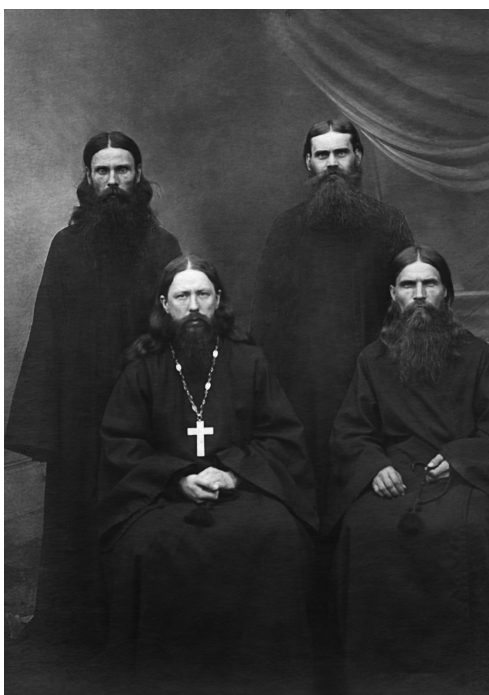
Ответ был утвердительный, и я по окончании литургии вышел и сказал мое первое слово. Я умолчал о старце и всех воспоминаниях моих, я стал изъяснять смысл прочтенного Евангелия, святые слова которого наполняли мою душу».

В 1923 году из монахов и послушников монастыря была организована сельскохозяйственная артель. В том же году инспектор труда по поручению Козельского уездного исполнительного комитета пытался в судебном порядке оспорить законность сельскохозяйственной артели, состоящей из монашествующих, но ему это не удалось – суд постановил прекратить дело. И уже без суда, в том же 1923 году сельскохозяйственная артель властями была закрыта и все имущество передано музею, при котором осталась лишь небольшая часть монахов, остальным было велено уходить. Для богослужений был оставлен

Казанский храм. На праздник Преображения Господня в 1923 году и этот храм был закрыт. «Братия в Оптиной была предупреждена об этом заранее, и сразу после полуночи 6 (19) августа была отслужена последняя Божественная литургия». Отслужив литургию, архимандрит Исаакий сказал иеромонаху Никону: «Отец Никон, мы уходим, а ты останься, ведь сюда будут приходить богомольцы, надо, чтобы была служба, и надо их принять, а иеродиаконем останется отец Серафим^к».

После этого богослужения проводились еще «в течение года в келиях больницы и церкви преподобного Илариона Великого». Однако все чувствовали, что близок час полного изгнания службы Божией из Оптиной пустыни.

В это время на отца Никона легли все заботы о приходящих в обитель: народ не верил, что в одночасье мог исчезнуть столь славный источник духовного утешения и просвещения – и по-прежнему шел в Оптину за советом. И отец Никон от переутомления тяжело заболел. А люди шли к нему, как раньше к оптинским старцам. Когда он был в силе, то принимал их в постели, причем люди начинали приходить с раннего утра.

*Слева направо: сидят иеромонахи Никон (Беляев) и Геронтий (Ермаков);
стоят монах Кирилл (Зленко) и послушник Родион (Шейченко)*

Когда здоровье его поправилось, он даже стал посещать христианские общины, которых тогда много образовалось в Козельске – из шамординских монахинь и вообще из искавших спасительного монашеского пути.

«Придя к нам, – вспоминала монахиня Амвросия (Оберучева), – он обыкновенно молился вместе с нами перед образом и, преподав нам мир и благословение, садился, а мы вокруг него, и начиналась духовная беседа... К этому времени приходили еще другие сестры... всем... хотелось духовной беседы, у многих были различные недоумения по поводу того, как устроить свою

---

^к Преподобномученик Серафим Оптинский (в миру Стефан Григорьевич Гуцин); память 10/23 ноября.

жизнь, где жить. И духовные вопросы: как быть с мыслями, которые делают молитву рассеянной?

На это батюшка отвечал: “Мимолетные мысли, к которым сердце не прилепляется, быстро проходят, как калейдоскоп. Ум наш, как жернов, никогда не останавливается, все время занят. Это не наша вина, но от нашего естества, и эти мысли не надо считать своей неотъемлемой собственностью: не может один и тот же ум и славословить Бога, и хулить. Поэтому не обращай внимания на них, выбрасывай их как сор, как нечто постороннее. Но вот когда заметишь, что какая-нибудь одна мысль долбит постоянно и сердце к ней прилепляется, вот тогда это ужасная опасность. Скорее надо бороться, чтобы выбросить ее, – молитвой Иисусовой прогоняй, а если все же не в силах, исповедуй старцу. Надо знать, что тебя борет более всего, – с тою страстью и бороться надо особенно. Надо ежедневно проверять свою совесть. Если стараешься даже не останавливаться на мыслях, но они меняют настроение, значит, доходят до сердца: “От сердца помышления злая” [Мф. 15, 19; Мк. 7, 21]...”

Одна монахиня очень боялась, чтобы я¹... сказала ей о смерти, если она будет плоха. На это батюшка сказал: “Боязнь смерти – от бесов, это они вселяют в душу такой страх, чтобы не надеяться на милосердие Божие... Врач должен предупредить больного о приближающейся смерти. Если даже не желает больной и высказывает свой страх, не хочет, чтобы с ним говорили о смерти, – должно предупредить”.

Одна сестра... говорила: “Мне хочется дожить до того времени, чтобы встретить Господа”. – “Не надо, – говорил батюшка, – греховно желать до пришествия антихриста дожить. Такая скорбь будет тогда – как сказано, праведник едва спасется [Мф. 24, 21-22; Мк. 13, 19-20]. А желать и искать страданий опасно и греховно: это бывает от гордости и неразумия, а когда постигнет искушение, человек может и не выдержать”».

15 июня 1924 года после всенощной отец Никон сказал: «Поздравляю вас с праздником. Бог дал, отслужили мы с вами еще раз всенощную; быть может, в последний раз, а может быть, и не в последний... Может, Господь приведет нас еще когда-нибудь собраться вместе и помолиться...»

Но так или иначе, а возможно, что нам придется разлучиться и разойтись в разные стороны... Может быть, вы и будете иметь возможность видеть меня и бывать у меня в Козельске, хотя, вероятно, и не так удобно и не так часто.

Но это не так важно. Ведь духовный отец нужен для чего? Чтобы при помощи его незаблудно шествовать и достигать Царства Небесного, а для этого необходимо главным образом исполнять на деле наставления, советы и указания духовника, жителство свое проводить благочестиво...

В церкви часто поют, вы, вероятно, не раз слышали: “Праведник от слуха зла не убоится” [Пс. 111, 6-7], – если же мы боимся, беспокоимся и смущаемся, еще только слыша о хотящих прийти напастях, о грядущих бедствиях и зле, то этот страх наш изобличает нас в том, что мы далеко не праведники, а грешники, и потому должны смиряться. Если же мы приобретем кротость, будем смиренны, если мир будет в сердцах наших, то тогда исполнится следующее: “Посему узнают вси, яко ученицы Мои есте, аще любовь имате между собою” [Ср. Ин. 13, 35]. Имейте любовь, уступайте друг другу, воздавайте одна другой честь, не себе угождайте, будьте в любви, деточки мои возлюбленные...»

---

¹ Как врач.

Отец Никон стал всех благословлять, некоторые плакали, и он тогда ласково сказал: «Вот, чудесненькие, ведь я – монах, я давал обет терпеть всякое озлобление и укоризну, поношение и изгнание, и если сие сбывается, если сие терплю, то радоваться подобает – так совершается чин пострижения на деле, и не унывать надо, а вы слюни распускаете... Сказано: “Радоваться подобает, егда во искушения впадаете различные” [Ср. Иак. 1, 2]... Помню, когда я был еще Николаем, батюшка отец Варсонофий сказал надо мною молитвенно такие слова: “Господи, спаси сего раба Твоего. Буди ему Помощник. Защити его, когда он не будет иметь ни крова, ни приюта...”».

«Местная власть выпустила предписание с требованием удалиться всем монашествующим из Козельска. Многие подчинились этому приказу, но все-таки некоторая часть монахов и послушников, около пятидесяти человек, осталась в городе. Братия в священном сане служили в храмах города и ближайших окрестностях. Здесь же, в Козельске, тогда поселилось около двухсот монахинь из разоренной Шамординской пустыни и других обителей. Монахи и монахини продолжали нести свое послушание: пели на клиросах, прислуживали в церквях. Многие, чтобы как-то существовать, подрабатывали различными ремеслами. Монахини продавали свое рукоделие».

Монастырь был окончательно закрыт. Отец Никон перебрался в Козельск и поселился на квартире, где уже жил оптинский монах Кирилл (Зленко). Здесь отец Никон стал принимать духовных детей, навещал монахинь Шамординского монастыря, которые расселились небольшими общинами по квартирам, вел с ними духовные беседы, отвечал на их вопросы и как-то во время беседы сказал: «Духовный отец только, как столп, указывает путь, а идти надо самому. Если отец духовный будет указывать, а ученик сам не будет двигаться, то он никуда не уйдет, а так и сгниет у этого столпа».

Служил отец Никон в Козельске в соборе. В его обязанность входило вести отношения с администрацией музея, образовавшегося на территории Оптиной пустыни, и он старался сохранить все, что возможно, из книг и церковного имущества. Многие музей из монастырского имущества по распоряжению властей распродал с торгов, в частности священнические облачения, и отец Никон выкупал их для духовенства, приезжавшего из самых разных концов страны; он купил облачения для протоиереев Петра Павлушкова^м, Петра Чельцова^п и Иоанна Речкина^о.

В день памяти своего святого покровителя мученика Никона, 28 сентября 1925 года, отец Никон сказал своим духовным детям: «Сказано в Евангелии: “И вы же свидетельствуете, яко искони со Мною есте” [Ин. 15, 27]. Обратите внимание на эти слова и вникните в их смысл. Потому и свидетельствовали о Господе Иисусе святые апостолы, а за ними святые мученики и вообще святые угодники Божии, что они, как говорит Сам Христос, искони, то есть всегда, были с Господом. Они всегда неразлучно пребывали с Господом, всегда они хранили усердно Его святые заповеди, всегда памятовали о Нем, во всем всегда творили Его святую волю. И если мы всегда будем с Господом, то и мы будем иметь силу и мощь свидетельствовать о Нем, и мы будем иметь мужество, твердость и крепость исповедовать Его, и исповедовать не только языком, но и самую жизнью своею. Будет дана и нам благодать благодушно переносить всякое

---

^м Священномученик Петр Павлушков; память 10/23 ноября.

^п Священноисповедник Петр Чельцов; память 30 августа/12 сентября.

^о Священномученик Иоанн Речкин; память 20 октября/2 ноября.

злострадание, всякую тяготу и превратность жизни ради Господа нашего Иисуса Христа...

Так вот, старайтесь всегда быть с Господом и тогда сможете быть исповедниками Христовыми, будете свидетельствовать о Нем так же твердо, так же безбоязненно, так же чудесно, как свидетельствовали святые апостолы, святые мученики и все святые. Вот вам назидание. Будьте всегда с Господом, имейте память Божию, бойтесь отогнать от себя помощь Божию какими-либо грехами или помыслами греховными. Бойтесь оставаться без Господа».

Беседуя с монахинями в день праздника Святой Троицы, отец Никон сказал: «Скорби иноков последнего времени утонченны, то есть при поверхностном взгляде на них нельзя признать их скорбями. Но это лишь злохитрость врага нашего... Испытания явные, грубые и жестокие возбуждают в человеках пламенную ревность и мужество к перенесению их... Враг заменил грубые испытания слабыми, но утонченными и действующими очень сильно. Они не вызывают из сердца ревности, не возбуждают его на подвиг, но держат его в каком-то нерешенном положении, а ум в недоумении. Они томят, постепенно истощают душевные силы человека, ввергают его в уныние, в бездействие и губят, соделывая жилищем страстей по причине расслабления, бездействия и уныния.

Иеромонах Никон (Беляев)

Это выражается тем, что ожидают чего-то лучшего, говорят: вот тогда и будем поститься и молиться, когда откроют монастыри и храмы. Но Господь обещал, что если мы покаемся, будут нам прощены грехи, а о том, что мы доживем до завтрашнего дня, нам не обещано.

Поэтому мы должны при всяких условиях, благоприятных и неблагоприятных, стараться жить по заповедям Божиим, исполнять обеты

монашеские и особенно помнить слова: “Се время благоприятно, се день спасения” [2 Кор. 6, 2]».

Отец Никон вел обширную переписку с рассеянными по стране оптинскими монахами. В июне 1927 года, отвечая на просьбу иеромонаха Варсиса (Виноградова) найти для прихода иеродиакона, он написал: «Просьбу о диаконе я не имею возможности исполнить. Прежде всего, их нет. Я сам нуждаюсь для собора нашего в диаконе... Кроме того, я против того, чтобы посылать наших братьев на приходы: их осталось так мало у нас, и мне жалко, когда уходят последние, да и им самим не полезна жизнь в совершенно мирской обстановке, вдали от своих отцов духовных и братьев. Поэтому прошу простить за таковой мой ответ.

Всегда молюсь о тебе и желаю тебе всякого благополучия. О том, что будет и с нами и с Церковью, предадим всё воле Божией. А газет советую не присылать, монахам читать их погрешительно, а пользы никакой нет. Да этого добра и в Козельске много. Сколько я могу усмотреть, никогда не совершается так, как думают и предполагают люди, а делается все так, как Богу угодно по Его непостижимому для нас плану».

Всякую значительную группу монахов или духовенства окружали в те времена осведомители. Одни, как специальный осведомитель по кличке Майский^Р, регулярно сообщали сведения в ОГПУ, на основании которых преследовались и арестовывались монахи, – таких ОГПУ всецело поддерживало: уполномоченный ОГПУ по Козельскому уезду Блинов, ходатайствуя о восстановлении осведомителя Майского в гражданских правах, писал: «...из него будет ценный работник по нашей линии... прошу... для него выделить 15-20 рублей, так как он в данное время безработный и живет впроголодь».

Другие давали подписку служить осведомителями, захваченные ложными соображениями или в момент малодушия, тем самым проявив слабость веры, как живший вместе с отцом Никоном рясофорный монах Кирилл (Зленко), который, однако, придя в себя, категорически отказался предавать и был арестован.

Третьи, кто шел в монастырь не для монашеской жизни и не ради Христа, как иеромонах Гурий (Ежов), столкнувшись с материальными трудностями, сами начинали посылать доносы в ОГПУ.

Иеромонах Гурий в анонимном доносе в Козельское ОГПУ писал: «Товарищ Блинов, советую вам и предисполкома приобрести яснозоркие очки и присмотреться поприлежнее... и обратить особенное внимание на лица нижеуказанные... Например, кому теперь стал не известен Никон... Беляев, квартирующий в Благовещенской караулке; этот пронырливый пес... добился того, что взял в свои руки собор козельский... удалил из сторожки и насадил

---

^Р Осведомитель Майский – бывший оптинский послушник Тихон Плетнев, поступил в Оптину пустынь в 1912 году; некоторое время жил вместе с келейником старца Нектария Петром Швыревым; при советской власти стал служить осведомителем, давая в ОГПУ сведения об оптинской братии и соприкасавшихся с нею мирянах; 28 мая 1927 года он по ходатайству ОГПУ был восстановлен в гражданских правах [ГАКО. Ф. Р-26, оп. 1, д. 825, л. 439 об.]; осенью 1937 года он был арестован вместе с другими монахами; 5 декабря 1937 года все арестованные монахи были расстреляны, а послушник Тихон переведен в смоленскую тюрьму камерным осведомителем; через год, 5 января 1939 года, руководство НКВД по Смоленской области приняло решение о его освобождении.

вместо бывших сторожих, перловских чернохвосток⁹... квартира Никона является центром политической деятельности...

Товарищ Блинов, Беляев Никон уже проник с ножницами и мантиями монашескими к школьным преподавателям, – обратите внимание, чтобы и в ГПУ не попал стричь... Пора бы уже обратить внимание Ваше, товарищ Блинов... на Беляева Никона, дать по хорошим ножницам и направить в Соловки или еще куда, пусть бы там вели бы себе пропаганду и стригли в монахи буржуазию, а то в Козельске уже квартир для таковых не хватает... Нужно принять еще к сведению то, что вот-вот вспыхнет... ибо все вышеуказанные подпольные агитаторы усиленно проповедуют о скорой перемене власти. Выбирайте одно из двух: или весь Козельск образует из себя монастырь и власти волей-неволей должны уступить и переехать в Сухиничи, или остаться на месте и убрать немедленно подпольных... агитаторов. Я, как усердный гражданин, сделал то, что зависело от меня, то есть поставил зеркало перед вами, – теперь смотрите в него сами... Вам указаны такие элементы, через которых можете ожидать удары во всякое время... Думается, что товарищ Блинов, как энергичный работник, подвинет это дело и приложит старание сбить ненужный товар в другое место».

ОГПУ быстро выяснило, что автор анонимного доноса – бывший унтер-офицер балтийского флота, проходивший в монастыре послушание в переплетной, иеромонах Гурий (Ежов); уполномоченный ОГПУ по Козельскому уезду Блинов встретился с ним. Тот заверил, что готов подтвердить написанное в доносе официальными свидетельскими показаниями. Однако ОГПУ сочло лучшим приберечь его для иных поручений.

В 1927 году власти в преддверии закрытия всех монастырей в России, еще сохранившихся под видом сельскохозяйственных общин, приняли решение об аресте оптинских монахов, живших в Козельске, и администрации музея, с точки зрения властей не справившейся с задачей прекращения влияния на население известной в духовном отношении обители.

Готовя репрессии, сотрудники ОГПУ составили документ, в котором формулировалась необходимость проведения арестов: «После Октябрьского переворота в 1917 году Оптинский и Шамординский монастыри сохранили свою самостоятельность до 1923 года, – писали они. – В Шамординском монастыре был организован совхоз, где монашки в количестве трехсот человек были как рабочие и под флагом советского хозяйства вели свою монастырскую жизнь по установленному монастырскому правилу. Руководили монашеством старцы Оптинского монастыря – Нектарий, иеромонах Никон Беляев и другие, которые идеологически и практически давали указания в работе обоих монастырей...

Оптинский монастырь считался в дореволюционное время третьей святыней в России. В тот момент, когда совершался Октябрьский переворот... монашество... учтя обстановку, переорганизовалось, и образовался племхоз и совхоз, которые взял под свое покровительство Сухинический сельсоюз... При монастыре образовалась садово-огородная артель из монахов, которая просуществовала до 1924 года; за антисоветскую агитацию была ликвидирована.

После окончательного разгона все главари бывшего монастыря вместе с Никоном Беляевым переселились в город Козельск и окрестные селения, где занялись активной антисоветской агитацией. В местные церкви насаждали своих

---

⁹ Имеются в виду шамординские монахини, названные так иеромонахом Гурием по имени Сергея Павловича Перлова (1836-1910) – известного чаеоторговца, благотворителя и строителя Шамординского монастыря.

монахов и монашек, из последних составили хоры в церквях и использовали их для своих связей, распространения контрреволюционных слухов и так далее...

Ликвидационная комиссия... ликвидируя окончательно монастырь Оптиная пустынь и преследуя защиту интересов усадьбы-музея Оптиная пустынь, своим протоколом от 19 июня сего года за № 5, § 3 разрешила условно, впредь до приглашения на службу через биржу труда рабочих, оставить на службе для ведения хозяйства музея и охраны имущества семнадцать человек из монашествующих, персонально указанных в протоколе № 5. Как зав. Музеем-усадьбой, так равно и зав. правлением музея-усадьбы Оптиная пустынь с самого начала ликвидации Оптинского монастыря, то есть с 24 марта по данное время – в продолжение около пяти месяцев, не пригласили на службу через биржу труда ни одного лица... При производстве проверки 25 июля установлено проживание в пределах монастыря, с ведома и согласия заведовавших, – пятидесяти трех... монахов и, кроме того, около сорока человек разных лиц, прибывших из разных мест, частью из бывшего Шамординского монастыря, затем из города Белева Тульской губернии... которые вводят уклады монастырской жизни, совершая ежедневно утром и вечером богослужения в оставленной для общины верующих одной церкви... игнорируя тем самым распоряжения советского правительства и приговор Калужского губсуда.

В бывшем монастыре Оптиная пустынь сотрудники по-прежнему продолжают священнодействовать; в музее по всем углам висят святые угодники, в шкафах ризы, кресты, портрет царицы Анны Иоанновны, колокола и тому подобные... вещи, между тем все это можно встретить в любой церкви».

16 июня 1927 года отец Никон был арестован и заключен в калужскую тюрьму. Всего по делу было арестовано одиннадцать человек. На допросе сотрудники ОГПУ спросили его, на какие средства он живет, помогает ли кому-либо материально и ведет ли агитацию против советской власти. Отец Никон ответил, что живет на средства от продажи мелких домашних вещей и на то, что получает в храме, но сколько получает, не знает, а что касается антисоветской агитации, то ею он не занимался.

1 июля отцу Никону предъявили обвинение в том, что он, «находясь на жительстве в городе Козельске, имеет тесную связь с заведующим Оптинским музеем... совместно с которым ведет антисоветскую агитацию через лиц, близко стоящих к нему, то есть единоверцев. Также ведет религиозную пропаганду и среди крестьянского населения, тем самым вызывая недоверие к советской власти... установлено, что Беляев производит скупку церковного имущества и ценностей для неизвестных целей и на средства, неизвестно откуда получаемые, при содействии зав. Оптинским музеем... в ведении которого указанное имущество находится».

1 августа следователь допросил отца Никона.

– Когда и как долго вы заведовали Оптинским музеем, кто рекомендовал вас на заведование и почему вы были арестованы в момент заведования музеем?

– В 1919 году я действительно заведовал Оптинским музеем... вернее, в то время был назначен временным хранителем имущества музея приехавшими из Москвы комиссарами – видимо, как лицо грамотное и исполнявшее до этого, то есть в бытность монастыря, должность секретаря; арестован я действительно был, но причину ареста не знаю: думал и думаю, что был арестован как заложник.

– Бывали у вас случаи перепродажи покупаемых вами облачений другим лицам и почему, а также приходилось ли вам покупать... облачения полными комплектами и как часто?

– Случаев перепродажи облачений другим лицам я не отрицаю, но это мною делалось не с целью барышничества, а из-за уважения. Облачения полными комплектами также приходилось покупать, но как часто, сказать не могу.

16 августа 1927 года следствие было закончено; в обвинительном заключении сотрудники ОГПУ написали: «С появлением обновленчества среди православных церквей, появляется антагонизм между монахами и приходским священством за овладение приходами. Под руководством иеромонаха Никона Беляева монахи бывшего Оптинского монастыря ведут борьбу сначала по захвату церковных приходов в городе Козельске, в результате чего козельский собор попадает в их руки, где для большей обеспеченности своего положения Никон Беляев удаляет соборного сторожа, а вместо него сажает своих, преданных ему монахов...

Никон Беляев, устроив в своей квартире моленную и приемную для приходящих к нему... на исповедь и благословение посторонних лиц... снабжает их литературой с целью дальнейшего ее распространения среди населения... В его же квартире, под предлогом исповеди и благословения, устраиваются свидания с контрреволюционным элементом...

Имея большие связи, Никон Беляев, в целях надлежащего использования продаваемых в музее с торгов церковных облачений, берет на себя обязанность по скупке всех продаваемых облачений, в целях... своих лиц, для чего... скупает около 50 комплектов церковных облачений и снабжает ими не только... лиц... находящихся в районе его местожительства, но и... проживающих в других городах Союза...»

Дело было послано на заключение в 6-е отделение секретного отдела ОГПУ в Москву, где в октябре 1927 года было дано окончательное заключение: «Перечисленные лица... прямо и косвенно вели контрреволюционную деятельность и агитацию, прикрывая ее религиозными убеждениями, и тем самым развращали психологию окружающего крестьянского населения, вызывая у крестьянства недовольство и озлобление советской властью».

19 декабря 1927 года Особое Совецание при Коллегии ОГПУ приговорило иеромонаха Никона к трем годам заключения в концлагерь. 7 января 1928 года ОГПУ распорядилось отправить отца Никона в Соловецкий концлагерь; в это время навигация на Соловки уже закончилась, и он был оставлен в пересыльном концлагере в Кеми. Современник отца Никона, бывший в те же годы в Кемском пересыльном пункте на Поповом острове, вспоминал, как тогда выглядел лагерь и какая там была тогда жизнь. Из рая Оптины, тончайших духовных переживаний, если вспомнить чудного и богоносного старца Варсонофия, отец Никон попал во тьму внешнюю, с торжеством наглого греха. «Вышки, сколоченные из хлипких бревнышек. Пятачок площади, обнесенный оградой из колючей проволоки. На нем, возле примитивного дебаркадера, длинный низкий барак... зона на каменистом и болотистом берегу Белого моря... Место пустынное, голое и суровое».

Выгруженных из теплушек заключенных с бранью и рукоприкладством строят в колонну и бегом гонят на голый скалистый мысок. Людей избивают, перегоняют с места на место, учат строю, обыскивают, пугают «нацеленными с

вышек винтовками и холостыми выстрелами. Падающих поднимают, разбивая сапогами в кровь лицо».

В бараке все лежат на боку и поворачиваются по команде; посредине узкий проход и двухэтажные сплошные нары под низкой крышей. По вертикальной стойке вереницами ползут клопы, «как муравьи по стволу полюбившегося дерева», а на дворе мороз и метель с пронизывающим, напитанным влагой ветром.

Отец Никон, как приговоренный к небольшому сроку, часть которого уже прошла в следственной тюрьме и пересылках, был оставлен на Поповом острове, где ему приказали сторожить сараи на морском берегу. Белое море, крики чаек и заключенных, ругань охраны и стоны мучимых людей. Все обстоятельства жизни сами собой призывали стремиться с мольбою в ставшие еще более дорогими и близкими объятия Отча.

23 мая 1930 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило иеромонаха Никона без проведения нового следствия к трем годам ссылки в Северный край, и он был отправлен в ссылку в Архангельскую область.

За время заключения в лагере отец Никон заболел туберкулезом, и по прибытии этапа в Архангельск врач медицинской комиссии посоветовал ему обратить особенное внимание на состояние своего здоровья и проситься в место, более ему соответствующее. Отец Никон, посоветовавшись с монахом Агапитом (Таубе)^г, сказал: «Воля Божия да совершится». И не стал предпринимать что-либо для облегчения своего положения. Он был отправлен в город Пинегу и поселился в находящейся в нескольких километрах от Пинеги деревне Воепала. Хозяйка дома, жестокая пожилая женщина, видела в ссыльном монахе всего лишь дарового работника и нещадно заставляла его работать. Туберкулез у отца Никона стремительно развивался, и он чувствовал себя все хуже и хуже. Хозяйке, однако, казалось, что ее жилец притворяется и состояние его здоровья не так плохо, как он хочет показать, и, невзирая на его самочувствие, она продолжала требовать от него исполнения всех тяжелых работ.

Иеромонах Никон так описал в письме начало своей последней болезни: «Болезнь началась внезапно. Чувствуя себя здоровым, я пошел копать снег около дома и почувствовал боль в венах больной ноги. Я все же несколько поработал и утомился. Сразу заболели все вены, начиная от живота и до пяток. Я положил компресс, смерил температуру – 40°. Оказалось – кровоизлияние.

На следующие три дня температура была почти нормальная. Вдруг я почувствовал боль в груди, температура 40°, которая была не более недели. Я лежал довольно долго, две или три недели. Вены перестали болеть, кровоизлияние рассосалось, но рана, открывшаяся немедленно, прошла только недавно. Прежнего дыхания нет, оно не так свободно».

Отец Никон добрался до врача в больнице за шесть верст от деревни. Тот, осмотрев его, сказал: «В легких плохо, туберкулез».

В письме к монахине Амвросии, находившейся тогда в ссылке в Архангельской области, отец Никон писал: «Ожидание перемещения – это одно из тяжелых условий нашей жизни. Хотели и меня, как многих других, переместить, но я пока остался по болезни. Но болезнь меня не радует. Доктор определил туберкулез легких. Духом я спокоен. Ибо на все воля Божия.

---

^г Преподобноисповедник Агапит Оптинский (в миру Михаил Михайлович Таубе); память 5/18 июля.

Пока все необходимое имею, а будущее в руках Божиих. Слава Богу за все. Радуюсь, что у тебя хорошее настроение. Да, Господь вразумляет нас и призывает ко спасению...»

«В Пинеге, кроме пайка, трудно найти продукты питания, и кто не получает посылок, конечно нуждается, голодает. Базара нет, только промен на вещи...

Тех, кто может работать, в лес посылают и на другие работы. Кто имеет документ о неработоспособности, того не посылают на работу, а куда-либо в деревню. Подальше стараются, но бывает, что и недалеко устраиваются.

Почта ходит исправно. Паек, получаемый безработными, конечно, недостаточный: 300 гр. хлеба в день, 600 гр. пшена на месяц и 2 кг. рыбы в месяц, соли достаточно, зимой пол-литра керосина.

Климат как в Архангельске, только ветры пронзительные бывают часто. Народ скорее неприветливый, мало сочувствует.

Овощей и на промен почти не найдешь, даже картофеля. Не знаю, где как живется, и сравнивать не могу.

Благодарю Господа, что доселе подкрепляет внутренне и все для жизни необходимое посылает. Слава Богу за все...»

В своем последнем письме отец Никон писал: «Преподобный Феодор Студит, сам бывший в ссылке, ликует и радуется за умирающих в ссылке. И мне приходила мысль, что мы, иноки, отрекшиеся от мира, и ныне, хотя и невольно, проводим мироотреченную жизнь. Так судил Господь. Наше дело – хранить себя в вере и блюсти себя от всякого греха, а все остальное вручить Богу. Не постыдится надеющийся на Господа...»

Хозяйка квартиры только после последнего, бывшего у него тяжелого приступа, наконец поняла, что ссыльный иеромонах неизлечимо болен, и тогда стала его из дома гнать: «Иди куда хочешь, ты работать не можешь и мне не нужен, ко мне на квартиру просят здоровые люди, которые будут мне работать, а ты болен. Еще помрешь, что я тогда с тобой буду делать?»

В Лазареву субботу, 4 апреля 1931 года, живший в соседней деревне Козлово ссыльный оптинский монах Петр (Драчев) навестил отца Никона.

Он увидел, что больной отец Никон лежит на двух сдвинутых табуретках, в шапке, в ватном подряснике и валенках. В изголовье стоит мешок со всеми его вещами.

– Что это значит? – спросил монах Петр.

– А это значит – вылетай куда хочешь, – ответил отец Никон и попросил, чтобы монах перевез его к себе.

Тот вернулся в деревню Козлово, нанял лошадь и перевез отца Никона. Окруженный заботой, отец Никон почувствовал себя здесь несколько лучше, он охотно подолгу беседовал с монахом Петром об Оптиной и о том блаженном времени, когда был жив старец Варсонофий. Но болезнь неотступно брала свое, и отец Никон все более и более слабел. Он часто вспоминал о духовных детях; поминая их, он всех благословлял, иногда выражая вслух желание повидаться со всеми, но тут же и добавлял: но да будет на то воля Божия... и оканчивал: «иные же замучены были, не принявшие освобождения, дабы получить лучшее воскресение» (Евр. 11, 35).

Духовная дочь отца Никона так записала о его болезни и последних днях жизни: «В субботу 14 [27] июня был приглашен доктор для успокоения больного. Доктор внимательно выслушал Батюшку и “во утешение” сказал: “Никакой скоротечной чахотки нет, слабость – явление временное, все пройдет”. А мне

доктор прямо сказал: “У Батюшки цветущий туберкулез, то есть в полном расцвете, в полном разгаре, и все уже кончено, живет он только потому, что у него сердце здоровое”.

Слова доктора, сказанные Батюшке, по-видимому, успокоили и утешили его, так как после этого он начал даже думать просить о подаче заявления о переводе его в более благоприятную в климатическом отношении местность.

Время шло, а Батюшка все слабел, но, несмотря на это, когда он чувствовал себя лучше, собственноручно писал, хотя и с трудом, краткие записки некоторым своим духовным детям, некоторым писал по несколько слов на их письмах, некоторым диктовал записки и собственноручно подписывал.

20 июня [3 июля] попросил лист бумаги и хотел что-то написать, но слабость не позволила много писать, написал лишь две строчки: “Какая красота в духовных книгах”».

4 июля отец Никон уже совершенно ослабел. 8 июля в 12 часов дня его причастил архимандрит Никита (Курочкин) и прочитал канон на исход души. Иеромонах Никон (Беляев) скончался вечером 8 июля 1931 года и был погребен на деревенском кладбище в безвестной ныне могиле.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

Игумен Дамаскин (Орловский). «Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Июнь». Тверь. 2008. С. 463-501

Игумен Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Книга 7. Тверь, 2002.

Примечания

---

¹ Впоследствии все они, кроме отца Никона, во время гонений на Церковь в 1930-х годах потеряли веру – одни, потому что сердце не взрыхлили трудом и потому во время скорби и гонений за слово отпали от Бога, другие – потому что семена, посеянные родителями и Церковью, были заглушены терниями житейских попечений и сластей, третьи – как Алексей, поработился страстью винопития и окончил жизнь самоубийством. Воистину, сам человек выбирает свою дорогу. И свет Божественный, если ты сам заградился от него, поработившись миру и его злу, не сможет проникнуть в тебя насильно.

² Не то случилось с братом Николая, Иваном. Он ушел из Оптиной пустыни сначала в армию, а затем в мир. Впоследствии, на склоне лет и разбитой, исковерканной жизни, пытаясь разобраться в причинах происшедшей с ним беды, он писал: «...Горе мое началось с того, что я никому (даже и старцу) не говорил о некоторых своих искушениях. Правда, я был чист, но служил соблазном другим... Оно могло бы быть для меня и безгрешно, если бы я не осуждал и не зазирал других и притом не малых людей. А кого в чем осудишь – неизбежно в том же осужден будешь!..» Во время своей поездки на Афон, Иван был пострижен келейно в монашество.

Презрев данные им обеты, Иван ушел в мир и женился на девушке, которая если и имела вначале веру, то быстро потеряла ее. Отвернувшись от Христа и от Церкви, Иван всецело погрузился в мирские заботы, стремясь достигнуть материального благополучия, добиться успехов в карьере. Он стал выступать с атеистическими лекциями, и если обычный лектор мог удерживать внимание слушателей не более 10-15 минут, то Ивану удавалось занимать их внимание по целому часу.

Мать его, Вера Лаврентьевна, скончалась в 1926 году, и отец Никон отпевал ее. «Гроб, – вспоминал впоследствии Иван Митрофанович, – выносили четыре... брата: Владимир, я, Митрофан и Алексей. После погребения я почти сразу ушел на судебное заседание (в то время я был народным судьей) и почти ничего не удалось мне говорить с братом. Да я в то время не очень

этого и хотел. Больше я брата не видел и не переписывался с ним. Даже и не знал толком, где он и что с ним. Как же это может не лежать тяжким бременем на душе моей...»

Не воспитывали они с женой в вере и дочь, даже и не поминали дома о Боге. Икон в доме не было и книг духовных также. Ехавшая к отцу Никону в 1931 году женщина зашла к Ивану Митрофановичу спросить, не хочет ли он помочь брату, но Иван тогда настолько уже духовно ослеп, что встретил ее холодно, с каменным сердцем, подав в помощь лишь несколько рублей. Случайная встреча с одетым в монашеское человеком, знакомым по Оптиной, во дворе дома на глазах соседей привела Ивана Митрофановича в ужас, обнаружив все его тогдашнее малодушие.

Но все возвращается на круги своя. Как бы человек ни загораживался и ни отказывался от Бога, как бы ни затирал и ни затапывал заповеди Божии, прописанные в его сердце, они огненным пламенем проступали и жгли, как будто неугасимый огонь геенский уже начинал охватывать душу. Когда Ивану Митрофановичу перевалило за шестьдесят, он снова вернулся к Богу, но как горько и мучительно было осознавать, что сорок лет прошли даром, были наполнены исключительно грехом и страстями. И как умолить Бога о прощении за жизнь, столь долго оскорблявшую Бога? Будучи уже стариком, он восстановил отношения с духовными детьми отца Никона.

Он писал им: «...Мой страшный провал, который был в моей жизни, ужасно мучает меня. Много я сам до сих пор не понимаю из того, что было в то время этого пленения вавилонского... Тяжело мне! Правда, я искренне, горячо и честно принес покаяние Господу Милосердному, и поистине я ощутил, что получил прощение, но это не все... ведь всякий грех, всякое преступление, долго владевшее сердцем и умом, тем и страшнее, что оставляет след по себе, такие страсти, что они, яко бремя тяжкое отяготеша на мне... Теперь как-то особенно я скорблю, что я отошел от тех людей, тех праведников, которые были мне когда-то самыми дорогими в моей жизни. Я говорю о брате, отце Никоне, и об отце Кирилле Зленко. Дороже их у меня в жизни никого не было. И тем не менее я совершенно оторвался от них. Это меня страшно мучает! Все, что связано с их памятью, мне ныне стало так дорого!..»

«...Жизнь моя так изуродовалась, что я не могу даже часто переписываться с близкими сердцу моему. А ведь душа тогда, как птица в клетке, так и рвется к воздуху духовному, к беседам сердечным в Господе...»

«...долго я бродил в стране далече, уязвися, уранихся... И как трудно исцелиться от поистине неисцельных язв! Трудно и от себя самого, трудно и от той обстановки, в которой приходится жить. На конверте я поставил адрес (на который и прошу писать мне) одной Божией старицы, а не свой домашний, так как письма, приходящие на мое имя, если только не попадают прямо в мои руки, то вообще до меня не доходят. Этим путем мои домашние хотят оградить меня от общения с верующими. Только когда дома никого нет, я свободен. Но как? Икон повесить нельзя (не говоря уже о лампаде!); книжки духовные держу не дома, а у друга, так как боюсь их уничтожения (что уже и было)...

Между тем мне очень хочется жить как следует, и в частности восстановить то, оптинское, что я так безумно утратил!..»

«...Моя Н.Н. [Супруга Ивана Митрофановича Надежда Николаевна], к скорби моей, все больше отходит от Бога под влиянием чтения и телевизора...»

«...И каждый день приносит новые болезни, новые грехи, бремя увеличивается, а время сокращается. Страшно и подумать, сколько драгоценного времени погублено для вечности, сколько за это время укоренилось страстей и как мало осталось времени для покаяния!..»

«...Моя жена, которая лучше всех знает мои недостатки, часто бранит меня. Иногда за дело, а то и так – отводит на мне все свои невзгоды и по службе, и по дому. Бывает это и невтерпеж. А как поразмыслию серьезно, то вижу, что только она одна воздаст мне должное в это время (почти каждый день)...

В конце концов жена Ивана Митрофановича, доставлявшая ему в последние годы много переживаний, умерла. Но ее смерть принесла еще горшие страдания, потому что и в безбожестве жены он также был виноват. Омраченный малодушием и поглощенный темной пучиной страстей, он ведь ничего и не сделал для пробуждения в ее душе веры. Он писал духовным детям отца Никона: «...Прожил я со своей женой почти пятьдесят три года. Была она человеком слишком прямым и потому часто грубым, но она всегда была честной и искренней. Ей задурили голову безбожием... С каждым днем я все больше и больше убеждаюсь, что Надя веровала сердцем всегда, и все больше и больше чувствую я свою вину перед ней, что не сумел раздуть в ней искорку веры в пламень. А ведь он горел в ней в ее юности! Теперь это мое постоянное горькое, тяжкое и скорбное, и покаянное (запоздалое!) чувство...»

Возвращению Ивана Митрофановича в Церковь послужил и отец Рафаил (Шейченко), который в 1957 году писал ему: «Желание Ваше знать о многом общем, дорогим нашим сердцам побуждает мою к Вам любовь просить Вас пожаловать под кров моего недостойнства в любое время, где мы уста ко устам вспомним былое и выскажем свои думы. Я буду весьма рад заключить Вас в свои объятия как собрата о Христе и брата, ближайшего из всех оптинских иноков, дорогого и незабвенного батюшки отца Никона... Да дарует и нам Господь покаянное сердце Закхея мытаря, возвращение, яко евангельского блудного сына, в объятия Отца и милость прощения».

Иван Митрофанович Беляев скончался в 1969 году. Незадолго до смерти он тяжело заболел, и его дочь Таисия, измученная уходом за отцом во время его болезни, положила его в больницу, где он через три дня скончался в твердой памяти, творя крестное знамение. Его отпевали в храме, а затем, в соответствии с его прижизненными распоряжениями, тело сожгли в крематории, а урну с прахом положили в могилу родителей в Донском монастыре.